

Основная масса горожан устремлялась летом на острова, лежащие посредине Волги - Середыш и Пальцин. Середыш лежал напротив города, был он широк и плоск, с роскошными пляжами, расположенными по правобережью острова. Середина острова была покрыта порослью ив, раkitника, тальника, росли там и осокори. Пальцинский - более высокий, с возвышенностью посредине, поросшей соснами, которая и сейчас возвышается над водой - это все, что осталось от островов, бывших некогда украшением Волги.

ДЕТИ СТРОИЛИ ЗАМКИ

Спуститься к Волге можно было по Завьяловскому спуску, по деревянной лестнице, построенной после войны, которая насчитывала 675 ступеней и по тропкам, протоптанным многочисленными поколениями горожан. Начинаясь эта лестница от «дома Неклюдовых» — двухэтажного, деревянного, обшитого поседевшими от старости досками. Дом, большой, несуразный, стоял на самом краю уходящей круто вниз Симбирской горы, на юру, и имел какой-то неприкаянный вид. Спуск, который шел от этого дома, был очень крутой, зимой с него катались на санках и редких тогда лыжах только самые отчаянные сорви-головы.

Мы ходили обычно по менее крутому и более удобному спуску, одна сторона которого представляла собой крутой откос, вдоль которого и шла дорога вниз, а с другой стороны стояли четыре дома, с большими садами. Вначале спуска стоял «дом Красновых». У сына их, Славы, был сильный хороший баритон, одно время он пел в филармонии.

Где-то на середине спуска, в глубине громадного сада, стоял старинный дом Рогозиных, в то время жили там две сестры: старшая - Лидия Степановна и младшая - Нина Степановна, которая была большой приятельницей мамы. Тетя Лида была уже на пенсии и трудилась, не покладая рук, в саду и огороде. Впрочем, как и тетя Нина, которая еще где-то служила. Держали они пару коз, и в детстве я пила у них парное козье молоко, которое мне очень нравилось. Дом Рогозиных, потемневший от времени, большой, с широкой верандой, с которой открывался вид на Волгу. Сад был громадный, по сравнению с нашим двориком, и в основном, вишневый - старинных симбирских сортов. Иногда я помогала собирать вишню, когда подросла. Деревья были вы-

сочные, и все усыпаны ягодами. Каждое лето Рогозины давали нам ведро вишни. И тогда у меня начинались вишневые дни. Я сидела в парадных сених или на крыльце и поглощала книги и вишню, пока не набивала оскмину (от вишни, не от книг).

Сад этот составлял малую долю бывших Рогозинских садов, которыми до революции владел Степан Степанович Рогозин, отец тети Лиды и тети Нины. Сады славились обилием прекрасных сортов яблонь, груш, слив, вишен.

Итак, мы спускались по дороге или по тропкам к Волге, а навстречу нам из-под горы ползли нагруженные телеги, которые везли багаж пассажиров, приплывших на пароходе, или корзины ягод, или бревна, которых выбрасывала Волга на берег великое множество, особенно когда в бурю разбивались плоты. Тогда весь берег был завален рыжими пахучими сосновыми бревнами. По берегу стояло несколько пристаней, пассажирских и грузовых, для барж. Тогда на пристанях работали еще грузчики - здоровые, загорелые мужики, у которых на спине крепилось особое приспособление в виде небольшой ступеньки, обшитой кожей. На эту подставку грузчики скидывали мешки, бегом несли их по сходням на пристань и ныряли в трюмы пароходов и барж.

Слева от пристаней весь берег был завален разбитой военной техникой - нашей и немецкой. Особенно мне запомнился немецкий танк - «тигр» с крестами на бортах, покрытых кровавыми потеками ржавчины. Вид у него был зловещий даже в поверженном состоянии. Мне он казался громадным погибшим зверем.

Пристани были выкрашены в голубой или светло-зеленый цвет. На одном конце красовалась будка с дверкой, будка эта висела над водой и издавала аромат, не

позволявший сомневаться в ее предназначении. Вода у пристаней плескалась с хлопанием, вынося на берег куски коры, ветки, пробки и прочий мусор. На воде плавали переливающиеся всеми цветами радуги пятна керосина и мазута. Вода пахла речной свежестью, рыбой и керосином.

Пароходы во времена моего детства ходили колесные, сохранившиеся еще от товарищества «Самолет». Они неторопливо плыли по водной глади, шлепая лопастями колес, белые, красивые, манящие за собой в неведомые дали. Их всегда сопровождали чайки, с резкими криками кружащие над водой.

На острова отдыхающую публику перевозили лодочки в больших, пахнущих смолой веселых лодках. Лодок было великое множество. С них рыбачили на русле Волги, перевозили корзины сизой крупной ежевики с Пальцына острова. Через Волгу, на левый берег, ходил паром, перевозивший людей, скот, возчиков с лошадьми и телегами и редкие тогда машины. Позднее, с приходом прогресса, у лодок появились моторы, а на Волге - речные трамвайчики.

Итак, мы садились в лодку, плыли не спеша, любуясь водной гладью, голубым небом, вдыхая запах волжской воды и слушая скрип уключин. Наконец лодка приставала к берегу острова, шурша днищем по песчаному дну, и мы, предвкушая удовольствие, прыгали в мелкую воду. Кромка берега была выгнута, и местами образовывались углубления, заполненные прозрачной, прогретой солнцем, водой, в которой иногда плавали мальки. Места эти назывались ваннами, в них сажали младенцев, которые с превеликим удовольствием бултыхались там. Песок на пляжах был чистый, белый; так приятно было греться на нем после купанья, впитывая всем телом тепло и пропуская сквозь пальцы струящийся песок, в котором попадались крошечные, прозрачные завитки ракушек.

Дно от берега полого уходило вглубь, плотная поверхность его была покрыта волнистыми рубчиками, как стиральная доска, с помощью которой тогда стирали белье. Но местами дно покрывала глина, и тогда ступни ног погружались в мягкую массу. Кое-где били родники, в этих местах вода была ледяная; из них набирали воду в котелки и чайники, а иногда и в самовары, чтобы скипятить чай, сварить картошку. Дров для костра по берегу было разбросано множество, их сбором и занималась ребятня.

Ветки, палки, куски коры, береста, высушенные и отбеленные солнцем - все шло в ход. У нас был походный чайник - эмалированный, коричневый, с которым мы долгие годы ездили на острова, а когда их не стало, на левый берег Волги к Красному Яру.

Выйдя из лодки, шли выбирать место для бивуака. Выбирали обычно раскидистый куст, натягивали простынку, чтобы создать тень, стелили скатерть, выкладывали на нее ржаной хлеб, краснощекие, лоснящиеся помидоры - большие, тяжелые; бугорчатые огурчики, пучки лука, покрытые сизым налетом, крупную соль в тряпочке, куски отварного мяса или котлеты. Тут поспеивала и сваренная в чайнике картошка в мундире. Чайник же мыли и наполняли водой, чтобы скипятить чай. И не было ничего вкуснее этой простой пищи, поглощаемой под чистым небом, на теплом песке, в тени ракушечного куста. Вдыхая горьковатый аромат его листы, запах дымка от костра, мы пили крепкий душистый чай, отдающий этим дымком. Наверняка, в компаниях присутствовала и водочка, но я совершенно не помню никаких эксцессов, связанных с ее употреблением. Весь день люди наслаждались покоем, солнцем, водой. Дети строили замки и крепости из влажного песка, украшая их створками ракушек. Перламутр, покрывавший изнутри ракушины, переливался нежными оттенками всех цветов. У меня долго хранилась целая коллекция таких ракушек.

Незаметно подкрался вечер. Отдыхающие отправляются в обратный путь. Золотистое солнце тихо опускается за Симбирскую гору, тень от которой ложится на тихие речные воды. Лодки, под монотонный скрип уключин, тихо скользят по нежному шелку вод. С берега доносится ленивый лай собак, чья-то песня. Проходящий пароход поднимает волну, и она, затихая, спешит к берегу, качая на своей спине наши лодки. Люди сидят умиротворенные, с чувством приятной усталости, довольные проведенным днем и полные счастья, тишины и покоя.

Вот и берег. Мы высаживаемся, прыгая кто в теплую воду, кто на влажный песок, расплачиваемся с лодочником, благодарим его и идем мимо пристаней к лестнице. Нам предстоит преодолеть 675 ступенек, что мы и делаем, отдыхая на площадках со скамьями и любуясь Волгой. Водная гладь похожа сейчас на тонкий атлас голубого, розового и лилового цвета. Скоро из-за зубчатой кромки леса поднимется громадная, розово-желтая луна и осветит своим волшебным светом этот притихший мир: Волгу, сады, уставший от жары город, лица влюбленных парочек на Венце... Наступит царство ночи...

*Нина Дроголюб
фото Ю. Исидова*